

DOI: 10.33184/dokbsu-2021.4.11

Мотив грехопадения в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» и в мистереи Д. Г. Байрона «Каин»

Е. Н. Михайленко

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: mikhaylenko71@bk.ru

Задача автора статьи сводится к объяснению принципиальных различий в интерпретации мотива грехопадения в «Потерянном рае» Дж. Мильтона и «Каине» Д. Г. Байрона. Делается вывод о том, что поэма Мильтона есть художественная иллюстрация к одному из ключевых эпизодов Книги Бытия и поэтому не содержит противоречий с доктриной грехопадения. В то же время Байрон создал на основе библейской легенды о грехопадении романтический миф, в рамках которого с позиции эмансипированного разума выступил против всех форм духовного угнетения личности.

Ключевые слова: Байрон, Каин, Милтон, Потерянный рай, романтический миф, библейские мотивы.

Мистерия Д. Г. Байрона «Каин» (1821) по целому ряду вопросов полемична по отношению к поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай». Речь идет прежде всего о разнице в истолковании эпизодов Ветхого завета, имеющих отношение к христианской доктрине. В настоящей статье сопоставлены реализации мотива грехопадения в произведениях двух поэтов.

Обращаясь к этой проблеме, нужно иметь в виду, что, как отмечает Д. Буш, для английских поэтов романтического поколения – в отличие от Мильтона – христианские символы были секуляризованными в той же мере, что и античные мифы [5, с. 58]. Используя их в качестве метафор и символов, романтики получали возможность исследовать в нравственно-философском и общекультурном аспектах круг вопросов, которые прежде занимали философов и богословов: существование зла и теодицея, свобода воли, суть грехопадения. Так, символический смысл грехопадения усматривался романтиками поэтами в зарождении самосознания, отделившего человека от природы и лишившего его былой безмятежности: обретенная способность к рефлексии неизбежно порождает противоречия сознания и разрушает внутреннюю гармонию. По замечанию Н. Фрая, "the alienated man cut off from nature by his consciousness is the Romantic equivalent of post-Edenic Adam" ("отчужденный человек,

отрезанный от природы своим самосознанием – романтический эквивалент Адама после изгнания из Эдема" [7, с. 18]).

Одним из важнейших аспектов проблемы грехопадения является проблема взаимоотношения предопределения и свободной воли человека в этом изначальном акте неповиновения Богу. Воспитанные в пуританской среде, Байрон и Мильтон испытали значительное влияние кальвинизма с его идеей абсолютного предопределения, но нашли в себе силы освободиться от мрачного фатализма и выработать самостоятельное суждение по поводу свободы воли. Так, Мильтон изложил свое религиозно-философское кредо в латинском трактате «О христианском учении» („De Doctrina Christiana“). Анализируя положения трактата, А. А. Чамеев определяет позицию поэта и мыслителя как «действую, по сути, концепцию, дополненную учением о свободе воли» [3, с. 49]. Исследователь отмечает, что Мильтон отвергал кальвинистскую идею безусловного предопределения, настаивая на том, что разумное существо наделено свободной волей именно благодаря разуму, обеспечивающему возможность выбора. Действительно, в поэме Мильтон заставляет Бога высказаться на этот счет вполне определенно (речь идет об отпавших ангелах):

Не Мною – ими был решен мятеж, // И, если даже знал Я наперед, // Предведение не предрешало бунта (They themselves decreed // Their own revolt not I, if I foreknew, // Foreknowledge had no influence of // their fault. Книга III)

О свободе воли человека Мильтон говорит в пятой книге устами Рафаила, явившегося Адаму, пока еще невинному:

Ты создан совершенным, но превратным, // Ты создан праведным, но сохранить // В себе добро – ты властен только сам, // Зане свободной волей одарен, // Судьбе не подчиненной или строгой // Необходимости (God made thee perfect, not immutable; // And good he made thee, but to persevere // He left it in thy power, ordain'd thy will // By nature free, not over-rul'd by Fate // Inextricable, or strict necessity. Книга IV)

Мильтон не подвергает сомнению справедливость Бога, предоставившего своим творениям полную свободу выбора с тем чтобы испытать их веру. Эта свобода была использована частью ангелов и человеком во зло, но ответственность за выбор возлагается на них самих.

В «Каине» также не подвергается сомнению наличие у человека свободы воли, хотя Байрона мало интересуют метафизические и теологические обоснования проблемы. Если Мильтон рассматривает ситуацию грехопадения с предельно высокой, надмирной позиции, Байрон предлагает взгляд снизу, с позиции человека, поэтому его занимает прежде всего психологическая и этическая сторона проблемы:

Древо // Росло в раю и было так прекрасно.. // Кто ж должен был им пользоваться? Если // Не он, так для чего оно росло // Вблизи его? (The tree was planted, and why not for him? // If not, why place it near him, where it grew, // The fairest in the centre? Акт 1, сцена I)

Можно заметить, что Каин видит в Иегове провокатора, который намеренно посадил в Эдеме древо познания и запретил Адаму и Еве прикасаться к его плодам с тем, чтобы ввести их в искушение. Логика Каина – логика человека, пытающегося человеческим разумом понять мотивы божества, и едва ли найдутся доводы, способные убедить его в необходимости и тем более оправданности "провокации". Каин уже – в отличие от своих родителей перед их испытанием – наделен самосознанием, и он не может даже мысленно вернуться в состояние, из которого Адам и Ева были мгновенно выброшены своим актом непослушания.

Проблему последствий грехопадения оба поэта также рассматривают в разных плоскостях – вселенской и человеческой. По Мильтону, человек, нарушив запрет Бога и осуществив свой свободный выбор, не только обеспечил смерть себе и грядущим поколениям, но и обрек на проклятие всю природу. Этот последний тезис находит обоснование в Книге Бытия ("проклята земля за тебя" Бытие, гл. 3, 17). В строках поэмы, следующих за описанием проступка Евы, возникает мрачная и величественная картина вселенской катастрофы, вызванной человеком:

И Земля // От раны дрогнула, и тяжкий вздох // Из глубины своих первооснов // И всем своим составом издала // Природа, скорбно ознаменовав, // Что все погибло (Earth felt the wound, and // Nature from her seat // Sighing through all her // Works gave signs of woe, // That all was lost. Книга IX)

И – после того, как от яблока вкусил Адам:

Земные недра содрогнулись вновь // От муки, и Природа издала // Вторичный стон. Гром глухо прогремел, // Затмилось небо, капли тяжких слез // Угрюмо уронило с вышины, // Оплакав первородный, смертный грех (Earth trembl'd from her entrails, as again // In pangs, and Nature gave a second groan, // Skie lowr'd, and muttering Thunder, // Shift som sad drops // Wept at compleating of the mortal Sin // Original; Книга IX)

Мильтон, таким образом, акцентирует внимание на ответственности человека перед всем мирозданием, утратившим по его вине первоизданную гармонию.

Байрон в мистерии фокусирует внимание только на последствиях грехопадения для живых существ. Каин приходит в ужас, понимая в итоге, что его потомки, а также вовсе не причастные к акту грехопадения животные, обречены на смерть по воле прародителя людей. Его гнетет острое чувство несправедливости, возникающее из осознания необратимой связи проступка Адама и Евы и наказания, которое уготовано их потомкам.

В своем монологе из первого акта он оценивает вину родителей пока только в связи с собственной персоной:

Но в чем же я виновен? // В те дни я не рожден был, – не стремился // Рожденным быть.. (What had I done in this? – I was unborn: // I sought not to be born; Акт 1, сцена I)

Позже он делится этими мыслями с Адой, которая упрекает его в эгоизме, замечая, что недостойно осуждать родителей. Но мысль Каина идет дальше и деяние Адама открывается ему в новом свете:

Он пал, но мало было // Ему своих страданий: он зачал // Меня, тебя, всех нас.. (They plucked the tree of science // And sin – and, not content with their own sorrow, // Begot me – thee – and all the few that are.. Акт 1, сцена I)

Следует особо отметить, что модель мира, созданная Байроном в мистерии на основе теории циклических катастроф Кювье, вступает в противоречие с одним из главных догматов христианства, состоящим в том, что человек своим грехопадением ввел в мир смерть. Люцифер дает понять, что это не так. Царство смерти не было совершенно пустым, когда в него заглянул Каин. По словам Люцифера, Иегова создавал миры, «чтоб облегчить себе ни с кем не разделенное бессмертье» («to make eternity less burthensome to his immense existence and unparticipated solitude»). С такой же легкостью он разрушал сотворенное и на его месте воздвигал новое. Очередь дошла и до Земли Адама. Она только что создана, но ее вместе с ее обитателями ждет рано или поздно общая участь. Смерти подвержено все, и грехопадение человека ничего не изменило в масштабах мироздания, разве что сделало смерть индивидуальным актом. Христианская доктрина грехопадения и его последствий именно индивидуальную смерть и имеет в виду, но Байрон, соединив эту доктрину с современными научными спекуляциями, продемонстрировал абсурдность ее буквального понимания.

Рассуждения о результатах грехопадения в «Каине» имеют отчетливые параллели в «Потерянном рае». В десятой книге поэмы Мильтона Адам после грехопадения пытается осмыслить произошедшее и берет всю ответственность за содеянное на себя:

Виновник сам // Я первый и последний; корень зла // И порчи – лишь во мне; хула должна // Пасть на меня, – о, если бы и гнев // Сразил меня, единого! (first and last // On mee, mee onely, as the sourse and spring // Of all corruption, all the blame lights due; // So might the wrauth, Fond wish! Книга X)

Подобно Иову, Адам доходит в отчаянии до ропота против Бога, сетуя, что был сотворен Им без своего на то согласия. Но тут же, одумавшись, одергивает себя:

Без твоего согласия создал Бог // Тебя; но если б твой ослушный сын // На обличенье возразил отцу: // «Зачем ты дал мне жизнь? Я не просил // Об этом!» – разве дерзост-

ный ответ // Ты принял бы? (and though God // Made thee without thy leave, what if thy Son // Prove disobedient, and reprov'd, retort, // Wherefore didst thou beget me? I sought it not: // Wouldst thou admit for his contempt of thee // That proud excuse? Книга X)

Творец имеет право обращаться со своим творением так, как считает нужным, именно потому, что он – творец. Так Адам Мильтона вновь принимает вину на себя и безусловно верит в то, что говорит, как и сам автор поэмы.

Бросается в глаза, что Каин Байрона почти в тех же словах задает вопрос, который приписал своему несуществующему пока сыну Адам Мильтона, так что читатель становится свидетелем своеобразного заочного спора отца и сына. Однако Каина не устроил бы ответ Адама. В отличие от членов своей семьи он не безответное существо, заранее благодарное создателю за все. Он настаивает на праве создания вопрошать создателя о его замысле и о его справедливости.

В одной из бесед с доктором Кеннеди, методистским священником в Кефалонии, безуспешно пытавшимся обратить Байрона, поэт поинтересовался, думает ли доктор, что в мире стало меньше скорби и страданий с тех пор, как возникло христианство. Кеннеди напомнил ему библейскую притчу о гончаре и глине. Байрон ответил, что если бы он был глиняным сосудом, разбитым рукой гончара, он бы спросил у мастера: «Почему ты так со мной обращаешься?» («Why do you treat me thus?») [8, с. 410]. Характерно, что с глиной сравнивает себя библейский Иов, когда ропщет против Бога-гончара, желая выяснить, за что же он наказан. Книга Иова – единственное место в Библии, где звучит этот горестный вопль человека, усомнившегося в благости Бога. Каин, как и Иов, – тот самый глиняный сосуд, который взбунтовался против гончара, создавшего его и пожелавшего разбить.

У Мильтона есть ответ на вопрос, почему изгнанные из рая Адам и Ева решили все-таки продолжить человеческий род, и Байрон, безусловно, знал этот ответ, но не удовлетворился им. Доводы Мильтона таковы: после падения Ева предлагает Адаму остаться бездетным, чтобы не плодить «бездольных отпрысков», обреченных на страдания и смерть. Если же невозможно окажется «воздерживаться от законных прав любви», – наложить на себя руки, чтобы разом со всем покончить. Адам отвечает неразумной супруге, что Бог, узнав об их своеволии, разгневается еще больше и изобретет новую, более страшную кару, ведь он не отменял своего завета плодиться и населять землю. И самое главное: архангел Михаил предсказал Адаму, что «Змия / глава сотрется семенем Жены». Речь идет о Христе, который в далеком будущем вступит в последнюю схватку с Сатаной и сокрушит его окончательно. Такова предустановленная месть врагу, и именно люди должны стать орудием ее исполнения. Адам и Ева, отчасти зная божественный промысел, с готовностью подчиняются ему и признают себя и своих потомков средством достижения конечной цели Бога.

Каин Байрона не желает быть средством – глиной, лишенной самостоятельной ценности. Ему неведомы цели Иеговы, если они есть вообще, но каковы бы ни были эти цели, они не стоят страданий людей. Обнаружив несправедливость мира и божества, Каин во имя справедливости и милосердия выступает против Создателя и созданного им мира. В этом заключена суть бунта Каина, предваряющего бунт Ивана Карамазова. Если божественное и человеческое вступают в противоречие, выбор должен остаться за человеческим. Такова гуманистическая позиция, отстаиваемая Байроном. Это не означает, однако, что Мильтону гуманизм чужд. Его гуманизм связан с верой в благость божественного промысла для человека. Доверие к мирозданию, созданному Богом, приводит верующего к теодицее.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что различия в реализации мотива грехопадения в произведениях Мильтона и Байрона обусловлены разными точками отсчета и разными задачами. Мильтон, который, по мысли П. Б. Шелли, вместе с Данте "привел в систему мифологию нового времени" [4, с. 732], представил в поэме художественную обработку одного из ключевых эпизодов Ветхого Завета, в целом не вступающую в противоречие с положениями христианской доктрины грехопадения. Байрону библейская легенда о грехопадении предоставила материал для создания романтического мифа, в рамках которого поэт с позиции эмансипированного разума выступил против всех форм духовного закрепощения личности.

Литература

1. Байрон Д. Г. Собр. соч. в 4-х томах. М. 1981. Т. 4. 496 с.
2. Мильтон Дж. Потерянный рай. М. Художественная литература. 1982. 413 с.
3. Чамеев А. А. Джон Мильтон и его поэма "Потерянный рай". Л. Изд. ЛГУ. 1986. 126 с.
4. Шелли П. Б. Избранные произведения. М.: Рипол Классик, 1998. 799 с.
5. Bush D. Pagan Myth and Christian Tradition in English Poetry. Philadelphia: American Philosophical Society, 1968. 112 p.
6. Byron D. G. Cain, a Mystery // <http://www.public-domain-poetry.com/stories/george-gordon-byron/cain-a-mystery/act-i-2381>
7. Frye N. A study of English Romanticism. N-Y.: Random House, 1968. P. 180.
8. Lovell E. J. His Very Self and Voice: Collected Conversations of Lord Byron. New York: Macmillan. 1954. P. 676.
9. Milton J. Paradise Lost // https://milton.host.dartmouth.edu/reading_room/pl/book_1/text.shtml

Статья рекомендована к печати кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела БашГУ (д.ф.н., проф. Ишимбаева Г. Г.)

The motive of the fall in the poem by J. Milton “Paradise Lost” and in the piece of D. G. Byron “Cain, a Mystery”

E. N. Mikhaylenko

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: mikhaylenko71@bk.ru

The author’s task is to explain the fundamental differences in the interpretation of the motive for the Fall in Paradise Lost by J. Milton and Cain by D. G. Byron. It is concluded that Milton’s poem is an artistic illustration for one of the key episodes of the Book of Genesis and therefore does not contain contradictions with the doctrine of the Fall. At the same time, Byron created a romantic myth based on the biblical legend of the Fall, within which the poet, from the standpoint of an emancipated mind, spoke out against all forms of spiritual oppression of the individual.

Keywords: Byron; Cain, a Mystery; Milton; Paradise Lost; romantic myth; biblical motive.